

ИСТОРИЯ ФАИНЫ ФЁДОРОВОЙ

Федорова Фаина Васильевна

Родилась я 12 июня 1926 года в деревне Пески Демянского района Новгородской области. Наша семья была такая: мама, двое детей и её тётя. Отец жил отдельно. Жили бедно, мама трудилась в колхозе, она умела шить, так и держались. Деревня была большого развития, люди были культурные, ходили в клуб, был сельсовет. За заслуги по производству льна деревня получила орден на ВДНХ. Я работала у молотилки. В 12 лет заболела туберкулёзом. Чем лечилась? В молоко сосновые почки, молоко парилось. К лету 1939 года оклемалась.

О войне узнала от местных жителей деревни Морозова. Какое ощущение? Страх, страх. 23 июня нас подростков собрали и сказали: «Завтра на работу в колхоз». Таскали горох. Я худющая, длинная. Мама отдыхать не давала, говорила: «Не отдыхай — скажут ленивая девочка. Людей надо уважать, они не хуже нас». К нам относились

по-доброму. Наш дом был у дороги, бабушка болела. Пускали ночевать, семья открытая, добрая. Убирали урожай, всё собрали, этим и жили. Давали хлеба 8 кг. на человека.

Прошли слухи, что немцы наступают. Коммунисты эвакуировались. Мужчины с семьями ушли в лес. Скот угнали в тыл. Остались старики, женщины, дети. Поставили в овраге укрытие из брёвен типа шалаша. Жили две недели. В шалаше можно было сидеть 2-3 человека. Коровы в кустах — молока надоим и пьём, в деревню за хлебом.

В первых числах сентября — стрельба по листьям из пулемёта. Мы в овраге. Пришли немцы, спрашивают: «Нет коммунистов, партизан?» Заняли дома. Наш дом кирпичный, видный, его немцы тоже заняли. Стали говорить: «Приходите в свои дома». Мы вернулись, стали жить в бане — нас там было пять человек. Что сварить, спечь — мама к соседям. Бомбили всё время, бомба упала рядом, баня рассыпалась. Пошли в комендатуру. Староста умный, добрый, послал нас жить в дом, где жила ещё женщина с двумя детьми. Немцы стреляли коров. Мы с мамой уходили в лес. Как-то заметили, что из леса вышел наш солдат, пробивался к Селигеру. Немцы ходили везде. Мама наложила в корзинку еды и приказала мне отнести еду солдату. Я удивлялась как мама могла послать меня с корзинкой. Если бы немцы меня остановили, то сразу был бы расстрел. Дошла до речки, отдала еду. Иду с пустой корзиной, тоже могла получить пулю в лоб за то, что носила партизанам. Обошлось. Опять упала бомба. Меня ранило в плечо. Бомбили наши, осветят приборами и бросают бомбы. Дрожали от страха, бежали в окопы. Летит самолёт, от него как мышинный помёт бомбы разлетаются. Удовольствие маленькое, того и гляди на тебя упадёт. Мы стали с сестрой ходить ночевать в землянку. Однажды через три дома от нас в доме зазвучал патефон. Мы решили пойти, был комендантский час, патрули. Мы вдоль огородов. Если бы заметил патруль, то пулю в лоб. В этом доме жила женщина и трое детей. Она слушала патефон.

Как вели себя немцы? Да по-разному. Один мужчина на лошади ездил. Нашёл ящик с патронами, стал закапывать. Он был кузнец. Немцы увидели и тут же расстреляли его и сына 16 лет.

Другой человек сказал: «Это наши немца гонят». Его фашисты повесили, сожгли дом, семью заставили уйти. В одном доме, где были немцы, жила женщина с восьмилетней девочкой. Немцы ели еду из пакетов. Маша-девочка, украла пакет, голод. Они задушили и мать и девочку. Был фельдшер, сказал: «Никогда не бывало, чтобы верх был за немцами, верх был всегда за нами». У немцев был переводчик Федя Попов, полицейай подлый. Сдался в плен, ходил ночевать к девчонкам, доносил. Его боялись хуже немцев. Фельдшера расстреляли, а семью в концлагерь. Вернулись. Были немцы-медики, они были человечнее — лечили местных от дизентерии, оказывали помощь. И я пользовалась. У меня заболел зуб, двое суток не ела. Немец показал дом, где жил зубной врач. Он посмотрел, сделал анестезию, выдернул зуб. Я не ела, боль отходила. Немцы объявили запись молодёжи в Германию, кого в сельскую местность, кого в город. Мама говорит: «Если погонят в Германию силой, то иди, а так сама не ходи».

1943 год. Немцы собрались уходить, объявили — трое суток никому из домов не выходить, запастись едой, водой. Пустые помещения будут заминированы. Бабушка молилась Богу. Пришли наши в маскхалатах: «чего вы сидите?» Мы радуемся. Наш дом пустой, думали, что заминирован. Мы с братом Сашей пошли посмотреть — ничего. Безумные. Потом пришли минёры, нигде ничего не нашли.

Отец Василий под Лугой попал в плен, умер в Литве в госпитале.

Закончилась оккупация, начались каторжные работы. Февраль 1943 года. Сначала на аэропорт, поля обнажились. Восемьдесят человек впрягались в плуг и мы тоже пять человек девчонок. Тётя Мария Фёдоровна была фармацевтом, пережила блокаду. Она написала: «иди учиться». Прислала книги. С 1 октября пошла учиться в Демянск. Ходила из деревни пешком туда и обратно. Нас было трое девчонок, потом нашли в Демянске землянку. Дали общежитие-полуподвал. Закончила восемь классов. Тётка опять написала «иди учиться дальше». Можно на медика учиться два года, а в педиатрическом институте шесть лет. В 1946 году я сказала: «Поеду в Ленинград». До сих пор не верится как в послевоенном 1946 году я поехала учиться на врача деревенской девчонкой. Экзамен сдала хорошо, этим педагога удивила, спросила: «В какой школе училась?» С гордостью сказала тогда, что училась в Демянской школе. Этим удивила её опять, ведь Демянска не знали тогда ленинградцы. Школу я свою не посрамила, 4 и 5 получала. А однажды дома на каникулах попеняла маме со вздохом: «Никогда не спросишь, как учусь я» — «Коль не стыдно, так учись плохо» — отвечала мне мама. В том, что я хорошо учусь, мама была совершенно уверена. Я тогда жила лишь на стипендию, на питание денег было мало. Мама в письме писала: «Ты хотя бы хлеба ешь побольше». Жили мы, студенты, хоть и бедно, но весело, а когда диплом получила, то всей душой служила профессии. Работала в детских домах, в детском туберкулёзном санатории, в Кабожской школе глухонемых ю лет, вернулась в Боровичи, где работала логопедом в детской поликлинике, вышла на пенсию.

